

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330.837 : 330.101

Ю. УЩАПОВСКИЙ,
доцент, кандидат экономических наук
(Житомир)

КИЕВСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА XIX ст. В КОНТЕКСТЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Охарактеризовано наукову спадщину Київської економічної школи (70–90-ті роки XIX ст.) у зв'язку з методологією сучасного інституціоналізму. Особливу увагу приділено дослідженню інституційних питань у працях Миколи Бунге, Афіногена Антоновича, Дмитра Піхна.

В периоды трансформационных преобразований общество представляет собой особенно привлекательный объект для социально-экономических исследований. Таким оно было в Российской империи после реформ XIX ст., таким является в Украине сегодня. Теоретические достижения экономистов 2-й половины XIX — первых десятилетий XX ст. постепенно обретали мировое признание. Современный российский исследователь справедливо отмечает: “В силу известных исторических причин эти научные достижения не получили полноценного воплощения в отечественной экономической науке. Тем важнее, критически переосмыслив, учитывать их на современном этапе развития экономической теории в России”¹. В данном плане заслуживает внимания Киевская экономическая школа 70–90-х годов XIX ст., которая занимает видное место в теоретическом наследии украинской экономической науки. Особенно весомыми следует признать ее достижения в контексте исследования истоков институционализма. Наш анализ сосредоточим прежде всего на вопросах институциональной среды экономики, как они освещались в трудах представителей этой школы.

Появление Киевской экономической школы можно считать своеобразным результатом активизации научных исследований после отмены крепостного права, а также кризиса классической политэкономии. Основателем школы считают профессора Киевского университета **Николая Бунге** (1823–1895). На наш взгляд, знаковым событием в оформлении школы стало появление его труда “Основания политической экономии” (1870), где наилучшим образом прослеживается позиция ученого.

Киевскую экономическую школу часто определяют как психологическую. С высокой долей вероятности можно утверждать, что этот эпитет стал постоянным благодаря известному советскому исследователю Н. Шухову, который, изучая историю экономической мысли в Российской империи, расширенно трактовал хронологические рамки школы и ее персональный состав, полагая, что в нее входят, наряду с Н. Бунге и Д. Пихно, также Р. Орженцкий, В. Залесский, А. Билимович².

¹ И п о л и т о в Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России. (Об одной методологической дискуссии 1920-х годов). “Вестник Института экономики” № 4, 2008, с. 57.

² Ш у х о в Н. С. Методологическое направление и школы буржуазной политической экономии. В кн.: История русской экономической мысли. Т. III, ч. I. М., 1966, 573 с.

Мы разделяем обоснованные сомнения нашего современника П. Леоненко по поводу персонального состава и хронологических границ существования школы³, ибо названные ученые были далеко не единомышленны во многих теоретических вопросах.

Обстоятельный анализ научного наследия Николая Бунге не дает оснований считать его сторонником методологии и теории предельной полезности, предложенной Карлом Менгером. Так, например, в “Очерках политико-экономической литературы” (1895) Н. Бунге поместил перевод (с комментариями) резкой рецензии Густава фон Шмоллера на сочинение К. Менгера “Исследование о методе социальных наук и политической экономии в частности” (1883). Следовательно, в методологическом споре между “отцом маргинализма” К. Менгером и представителем “новой исторической школы” Г. фон Шмоллером Бунге поддерживает позиции второго, упрекая маргиналистов в отсутствии важных трудов, которые обеспечили бы прогресс экономической науки. Противоположную оценку дает Роман Орженцкий в сочинении “Полезность и цена. Политико-экономический очерк” (1895), где излагает теорию, предложенную Менгером, с большой благосклонностью. Как подчеркивает Е. Шаблий, Р. Орженцкий подробно охарактеризовал механизм определения количественной величины ценности “предельной полезностью” целиком согласно принципам австрийской школы, хотя и с дополнительными психологическими терминами⁴. Подобных взглядов придерживался и Александр Билимович. Таким образом, название школы с эпитетом “психологическая” целесообразно употреблять, когда она объединяет непосредственных исследователей теории предельной полезности, а такие труды появились в Украине только на рубеже XIX–XX ст. Если и объединять под этим названием представителей различных теоретических направлений, то следует выделять в ее эволюции два периода – ранний и поздний; первый связан с именами Н. Бунге, Д. Пихно, А. Антоновича, второй – с именами Р. Орженцкого, А. Билимовича, Е. Слуцкого.

Оригинальность и специфику Киевской экономической школы подчеркивали и представители дореволюционной науки, и советские ученые. Так, А. Билимович указывал на теоретические расхождения Киевской школы со “школой российских экономистов, марксистской в теории и народнической в политике, школой московской”⁵. Известный советский исследователь характерными чертами Киевской школы считал критическую оценку общины и разновидностей социализма, эклектизм, отрицательное отношение к трудовой теории ценности, а также к теориям, которые связывали прибыль с эксплуатацией труда и отстаивали благотворную роль капитализма⁶. Антитезой приведенной трактовке звучит следующее: “Уникальность Киевской школы заключается в том, что она и поныне остается едва ли не единственной научной экономической школой Украины и России, признанной профессионалами на Западе”⁷. Такой разброс оценок побуждает к скрупулезному рассмотрению вопроса.

³ См.: Леоненко П. М. Методологічні аспекти історії української економічної думки (XIX–XX ст.). К., 2004, с. 118.

⁴ См.: Шаблій Є. А. Критика психологічного напрямку вульгарної буржуазної політекономії на Україні періоду імперіалізму. Історія народного господарства та економічної думки Української РСР. Респ. міжвід. збірник. Вип. 13. К., “Наукова думка”, 1979, с. 92.

⁵ Памяти Д. И. Пихно. Сообщение профессора А. Д. Билимовича и профессора Н. М. Цитовича. СПб., 1913, с. 13–14.

⁶ См.: Анкин А. В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., Политиздат, 1990, с. 330–331.

⁷ См.: Гайдай Т. В. Парадигма інституціоналізму: методологічний контекст. К., Видавничо-поліграфічний центр “Київський університет”, 2008, с. 178.

Можно принять позицию Аникина касательно эклектичности Киевской экономической школы. Однако важно не просто констатировать этот факт, но и понять его истоки. Осветим эволюцию методологических подходов Киевской школы на примере взглядов ее основателя, чья научная концепция со временем претерпела существенные изменения. На эту особенность творческого пути ученого обращают внимание почти все исследователи истории экономической мысли.

Ранние труды Н. Бунге отмечены влиянием классической политэкономии. Его “Теория кредита” (1852), написанная по материалам докторской диссертации, представляет идеи школы “великого шотландца” – А. Смита, а именно *частный интерес* и *свободу промышленности* в качестве ключевых. Н. Бунге указывает, что не следует искать новые основания науки, поскольку они существуют давно: частный интерес является главным двигателем хозяйственной деятельности, а “свобода промышленности составляет для него необходимую среду”. Сюда он присоединяет *соперничество* (конкуренцию), ту живую действенную силу, отрицать которую “невозможно и безумно”⁸. О приверженности Н. Бунге к положениям классиков свидетельствует также статья “Письма об изучении политической экономии” (1857), где он в форме переписки между “практиком” и “теоретиком”, привлекая интересные сравнения и используя цифровые выкладки, популярно освещает сложные политико-экономические проблемы. Poleмический характер труда не помешал четкому и прозрачному научному анализу. В нем ученый выступает сторонником концепции “естественного порядка” в противовес порядку, порожденному произволом человека. Так что же именно привлекает Николая Бунге у классиков? Очевидно – *свобода* в самом широком понимании как институция, обуславливающая подлинно рыночную среду. “Если... вы сможете найти неравенство в меновых сделках, несправедливость, несоразмерность вознаграждения, то оно происходит не от мнимой анархии, производимой соперничеством, а от недостатка промышленной свободы”⁹, – писал Н. Бунге. Вероятно, только из-за цензуры ученый не мог высказываться радикальнее: “Не думайте, что экономисты, толкуя о *laissez faire*, проповедуют восточный фатализм или языческий рок; нет, они делают вызов со стороны соперничества к деятельности, творящим творческим силам общества”¹⁰.

Однако в Украине увлечение классической политэкономией никогда не было безоговорочным. Профессор Л. Корнейчук замечает по этому поводу: “Бунге, как человек высокообразованный, с критическим складом ума, не просто отрицал или отбрасывал определенные доктрины. Критически воспринимая теоретические разработки западных экономистов, он достаточно квалифицированно и непредвзято выделял в них сильные стороны и подвергал критике, по его мнению, слабые”¹¹. Следуя за немецкой камералистикой и учитывая новую методологию исторической школы, он не мог удовлетвориться суженными рамками понимания предмета классической политэкономии. Основными ошибками школы А. Смита он считал гиперболизацию роли частных интересов в хозяйственной жизни общества, недоверие к “экономическим учреждениям” из-за ограничения соперничества, пренебрежение обычаями и нормами права в становлении хозяйственной системы¹².

⁸ Бунге Н. Теория кредита. У кн.: М. Бунге: сучасний дискурс. (За ред. В. Д. Базилевича). К., “Знання”, 2005, с. 393, 435.

⁹ Бунге Н. Письма об изучении политической экономии. “Русский вестник”. Т. XI, 1857, № 17, с. 35.

¹⁰ Там же, с. 58.

¹¹ См.: Корнейчук Л. Я. Історія економічної думки України. Навч. посібник. К., КНЕУ, 2004, с. 181.

¹² См.: Бунге Н. Теория кредита, с. 433.

Следовательно, в 50-е годы XIX ст. экономические взгляды Н. Бунге были эклектичными, ибо соединяли в себе постулаты классиков (прежде всего в области теории) с индуктивизмом немецкой исторической школы.

Социальные реформы 60-х годов XIX ст. усилили внимание ученых к регулятивной политике государства, что, безусловно, повлияло на переоценку концепции *laissez faire* в методологическом арсенале экономистов. В этот период Н. Бунге подчеркивает односторонность абстрактно-дедуктивной методологии А. Смита, стремится использовать в анализе эмпирический подход исторической школы, которая поддерживала активную роль государства в экономической политике.

Завершенный вид методология Н. Бунге приобрела в 70-е годы. На наш взгляд, оценивать ее как имеющую в своей основе исключительно эмпирический индуктивизм немецкой исторической школы было бы неправильно. Ведь ученый понимал, что адекватная государственная экономическая политика невозможна без знания объективных законов, на изучении которых настаивала классическая политэкономия. Если в упомянутом труде “Основания политической экономии” Н. Бунге писал, что хозяйственный прогресс определяется потребностями человека, то тем самым он сформулировал идею традиционного для украинской экономической мысли *антропоцентризма*; оригинальная структура этого учебника ничем не напоминала традиционную структуру изданий такого рода, которые поэтапно излагали движение общественного продукта от производства через распределение к потреблению. Представление хозяйственной системы со стороны потребителя не только перекликается с теорией потребностей Ивана Вернадского (1821–1884), но и расширяет границы анализа классической политэкономии; кроме того, такой методологический подход не согласуется с последовательностью немецкой исторической школы, которая, отдавая предпочтение изучению хозяйства в его эволюции, имела общие черты с методологическими предпосылками творцов теории предельной полезности. Подчеркнем, что учебник Бунге вышел в свет за год до появления основных сочинений К. Менгера и В. Джевонса, где излагалась теория ценности со стороны потребителя. Возможно, именно этот аспект методологии Н. Бунге подтолкнул Л. Горкину к выводу, что Киевская экономическая школа “подготовила хорошую почву в Украине для восприятия идей маржинализма”¹³.

Ликвидация личной зависимости крестьянина от помещика в результате реформы 1861 г. выдвинула на первый план поиск новых механизмов развития хозяйства в царской России. В этом вопросе проступили различия между Киевской школой и другими представителями экономической науки, которые выразились во взглядах на значение *общины* для будущего страны.

Весомая роль в изучении российской общины как институции принадлежала немецкому исследователю Августу фон Гакстгаузену, который на средства царского правительства и по его поручению инспектировал в 1843 г. обширные территории Российской империи, включая Украину; в своем отчете он назвал общину “одним из самых чудесных учреждений, какие только существуют”. Результаты путешествия отражены в изданном на немецком и французском языках трехтомном труде “Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России” (1847, 1852); русский перевод 1-го тома появился только в 1869 г. Консерватор по своим политическим взглядам, Гакстгаузен с предубеждением относился к распространению рыночных отношений, а

¹³ См.: Горкина Л. П. Нариси з історії політичної економії України (остання третина XIX – перша половина XX ст.). К., “Наукова думка”, 1994, с. 33.

пролетариат считал главным носителем зла для общественного устройства Западной Европы. По мнению Гакстгаузена, в российской общине наилучшим образом сочетается автократический строй с экономическими формами, и потому она представляет собой своеобразное воплощение социального идеала, к которому так стремятся западноевропейские социальные реформаторы. Труд имел весьма заметный резонанс. Михаил Туган-Барановский отметил: «Книга Гакстгаузена является поворотным пунктом в истории российской экономической науки. До Гакстгаузена российская наука не пыталась охватить одной общей идеей наш хозяйственный строй во всем его своеобразии. После Гакстгаузена противопоставление народного хозяйства России западноевропейскому стало основным мотивом российской экономической мысли»¹⁴.

Несколько поспешные выводы Гакстгаузена подтолкнули большинство российских ученых к абсолютизации общины. Например, Н. Чернышевский усматривал в ней прообраз социализма, исторический шанс для России избежать развития по рыночному капиталистическому сценарию. Что касается представителей Киевской экономической школы, то они вслед за И. Вернадским рассматривали общинное землевладение как препятствие для распространения рыночных отношений в сельском хозяйстве и роста народного благосостояния. В Украине, где общинное землевладение не имело под собой исторической почвы, иначе и не могло быть.

Н. Бунге был убежден в преимуществах *частной земельной собственности*, традиции которой глубоко укоренились в украинском обществе. Он отмечал, что принципы частной собственности, стремление к хозяйственной самостоятельности противоречат «земледельческому коммунизму общины»¹⁵. Ученый не поддерживал доктрину уникальности исторического пути Российской империи, а потому отвергал идеализацию общины славянофилами. Историческую перспективу государства он рассматривал в контексте становления капиталистических рыночных отношений, которые должны обеспечить рост производительности сельскохозяйственного труда. Следовательно, отрицательное отношение к общине со стороны Н. Бунге и всей Киевской экономической школы можно трактовать как зеркальное отражение украинских реалий.

Критика социализма для Н. Бунге является органическим следствием неприятия общины. Критикуя сторонников социализма за их желание избавиться от частной собственности и конкуренции, он пишет, что реализация этой навязчивой идеи равнозначна тому, чтобы создать «промышленный полк вечно служащих, заключающий в своем составе женщин и детей, состоящий вечным гарнизоном, с дисциплиной и подчиненностью, исключающими всякое свободное проявление жизни»¹⁶. Ученый осознавал необходимость разрешить ряд социальных проблем, неизбежно возникающих с распространением рыночного хозяйства, но отбрасывал методы, предложенные для этого социалистами. В своем политическом завещании, известном под названием «Загробные заметки», он трактует социализм как зло, ведущее к упадку в обществе нравственности, чувства долга, свободы: «Для успешной борьбы с социализмом необходимы *нравы, учреждения и законы* (курсив наш. — Ю. У.), упрочивающие нравственное и материальное благосостояние всех и каждо-

¹⁴ М. Туган-Барановский. Экономическая наука. Энциклопедический словарь. Ф. Брокгауз, И. Ефрон. Т. XXVIII. СПб, 1899, с. 852.

¹⁵ Цит. по: Теліцький В. П. Суспільно-економічна думка на Україні в період підготовки реформи 1861 р. В кн.: Нариси з історії економічної думки України. К., Вид-во АН УРСР, 1956, с. 192.

¹⁶ См.: Бунге Н. Х. Очерки политико-экономической литературы. СПб., 1895, с. 67.

го, как классов, владеющих недвижимым имуществом, так и рабочих”¹⁷. Таким образом, ученый подчеркивает, как сказали бы сегодня, значение неформальных и формальных институций для обеспечения народного блага.

Использование современной терминологии в ретроспективных исследованиях кое-кто воспринимает скептически, и при определенных обстоятельствах такие оценки небезосновательны, но следует понимать, что институционализм появился не внезапно: его зерна проросли на подготовленной предшественниками почве. Чтобы развеять подозрения скептиков в отношении доступности для украинских экономистов XIX ст. понятий из арсенала современного институционализма, процитируем доклад Н. Бунге, сделанный им в 1856 г. Важность *неформальных институций* как своеобразных ограничений в предпринимательской деятельности объясняется так, будто это написано сегодня: “Общественное устройство, выработанное историческим ходом вещей, полагает известные преграды для употребления труда и для пользования его результатами... Не одни законы, определяющие права сословий и частных лиц на занятия той или другой деятельностью, не одни финансовые и полицейские *учреждения*, поставляющие границы для частной предприимчивости в интересе целого, но *обстоятельства, находящиеся вне круга юридических постановлений*, — умственное, техническое и нравственное образование народа, сила обычаев и привычек — действуют таким же могущественным образом на установление разнообразных отношений в порядке владения, пользования и распоряжения правом собственности”¹⁸ (курсив наш. — Ю. У.). На формирование *институциональной среды*, полагает ученый, влияют общечеловеческие и национальные ценности: “Нормы хозяйственного устройства, подобно всем общественным явлениям, имеют, вне сомнений, и общечеловеческую, и национальную стороны, и в этом смысле объединяют в себе обе стихии”¹⁹.

Воспринимая хозяйство как целостность, Н. Бунге выступал против деления политической экономии на “общую и особенную, на теоретическую и практическую, на науку народного хозяйства, экономическую политику и финансы”²⁰. Системное изложение экономической науки не согласовывалось ни с одной из тогдашних школ, зато имело общие черты с будущим институционализмом. Ученый был убежден, что политическая экономия не должна ограничиваться исследованиями только технической стороны полезной деятельности человека, но должна изучать их в тесной связи с явлениями общественными и раскрывать законы, которым эти явления подчиняются. Он отмечал: “Деятельность человека, направленная к удовлетворению потребностей, представляет несколько различных сторон: во-первых, сторону *техническую*, требующую изучения свойств сил и материалов, употребляемых в производстве,.. во-вторых, сторону *юридическую*, требующую изучения юридических норм, которые возводят отношения хозяйственные на степень правоотношений и поставляют их под защиту общественной власти,.. в-третьих, сторону *политическую*, требующую изучения общеисторического хода событий, в

¹⁷ Бунге Н. Х. Загробные заметки. В кн.: Река времен. Книга истории и культуры. Т. I. М., 1995, с. 231.

¹⁸ Бунге Н. О месте, занимаемом политической экономией в системе народного образования, и об отношении ее к практической деятельности. В кн.: М. Бунге: сучасний дискурс. К., “Знання”, 2005, с. 654.

¹⁹ Бунге Н. Х. Полицейское право: Курс лекций, читанный в Университете Св. Владимира проф. Н. Бунге. Вып. 1–3. К., 1869, с. 41.

²⁰ Бунге Н. Основания политической экономии. У кн.: М. Бунге: сучасний дискурс, с. 495.

котором хозяйственной стихии принадлежит не последнее место. Очевидно, что изучение каждой из означенных сторон предполагает в известной мере или предварительное знакомство с хозяйством общества, или последующее его изучение”²¹ (курсив наш. — Ю. У.). Ученый сосредоточивал внимание на общих, духовных, нравственных, этических и прочих потребностях, в совокупности обеспечивающих гармоничное развитие человека, его бесконфликтное положение в обществе, основанном на частной собственности и предпринимательской инициативе.

В контексте исследования ценности Н. Бунге упоминает о препятствиях на пути удовлетворения потребности: “Ценность (value, valeur, Werth) продукции или услуги зависит от ощущаемой в них потребности, от препятствий, встречаемых при удовлетворении последней, и от тех жертв, на которые решится потребитель”²². Данное определение ценности можно с известными оговорками рассматривать как первый шаг к пониманию *транзакционных расходов* — ведущего понятия неоинституционализма.

Подобные методологические подходы характеризуют научное наследие другого представителя Киевской экономической школы — профессора кафедры политической экономии и статистики Киевского университета **Афиногена Антоновича** (1848—1917). Сферу деятельности человека, направленной на удовлетворение потребностей, он разделяет на *физический* (технический), *этический* (морально-юридический) и *общественный* (политический) элементы. Предметом политической экономии ученый считал именно последний элемент²³. Общество он рассматривал как органичную целостность, состоящую из главных актов экономической жизни — производства, распределения, потребления, находящихся в постоянной связи, глупина которой зависит от стадии экономического развития.

Эволюцию ценности А. Антонович характеризует в контексте взаимовлияний названных трех актов: “Отсутствие органической связи между этими актами, замечаемое как в прошедшем экономической жизни, так и на высших ступенях общезжития в тех или иных частных случаях, породила ... тройственность понятия о ценности”²⁴. Дело в том, что апологетов теории ценности А. Антонович относил к четырем (фактически — к трем) категориям: потребление изучал Г. Шторх, распределением меновой ценности занимались Т. Мальтус, Ф. Бастиа и др.; производством — Д. Рикардо, Г. Ч. Кери; в последнюю, четвертую, категорию входили эклектики, объединявшие различные мнения, — А. Смит, Д. Милль и др.

Если говорить языком современного институционализма, А. Антонович *эволюцию теории ценности фактически привязывает к изменению институциональной структуры*. По его мнению, с экономическим развитием связь между производством, распределением и потреблением усиливается, частнособственническое понимание ценности уступает место общественному, которое объединяет и примиряет прежние взгляды. На стадии, когда потребление является актом, относительно независимым от производства и обмена, полезность становится единственным критерием ценности. Постепенно, с углублением распределения деятельности, укрепляется взаимозависимость между актами экономической жизни, место полезности занимает “хозяйственный труд”: полезность продукта может оставаться той же, другое дело — затраченный на его производство труд, поэтому ценность непременно изменится.

²¹ Там же, с. 491.

²² Там же, с. 486.

²³ Антонович А. Я. Курс политической экономии: лекции, читанные в Университете св. Владимира (оттиск из “Университетских известий” 1886 г.). К., 1886, с. 4.

²⁴ Там же, с. 366.

Институциональные аспекты научного наследия А. Антоновича лучше всего проявились в его “Курсе государственного благоустройства (полицейского права)”, где изложена доктрина “общественной подчиненности закону”. Вслед за Ф. Бастиа ученый отмечает: “Экономическая наука признает основным законом отношений между людьми согласие интересов, потому с этой точки зрения общество представляется организмом, в коем все части живут и работают сообща, взаимно облегчая удовлетворение потребностей”²⁵. Среди методов исследования полицейского права и других общественных наук А. Антонович, как и сторонники исторической школы, признает первенство за исторической индукцией; исследователи, которые не использовали этот метод, осветили общественную жизнь односторонне: “Ограничивая поле наблюдения исключительно настоящим, которое может называться временем меновой ассоциации и меновой культуры, они не заметили ... всей совокупности отношений, происходящих от существования между людьми *сходств, сходных интересов, сходных целей и сходных средств к их достижению* (курсив наш. — Ю. У.). А между тем эта сторона общежития в свое время имела также преобладающее значение, как в настоящее время преобладает меновая культура, и правильное общежитие может быть основано на законах всей совокупности междучеловеческих отношений, а не только лишь стороне их”²⁶. Таким образом, А. Антонович фактически настаивает на целостном изучении, с использованием метода исторической индукции, тех *неформальных институций*, которые укоренились в обществе, хотя прямо их не называет.

Подобно другим представителям украинской экономической мысли, А. Антонович отдал дань исследованию роли и места человека в хозяйственных взаимоотношениях. Совместное существование в семье, роде, общине, государстве научило человека сочетать свои интересы с интересами других. В процессе исторической эволюции у него пробуждается сочувствие к судьбе ближнего. По мнению А. Антоновича, распространение совместной деятельности способствует сближению людей, а общество обретает черты “нравственно единого организма”.

Вполне в духе немецкой исторической школы А. Антонович рассматривал полицейское право как науку, имеющую четкие *национальные черты*. Он считал ее наукой национальной, которая должна изучать “те правооснования для деятельности государства, направленной к устройству народного благосостояния, которые заключаются в национальных особенностях данного народа и представляют собой условия его национального развития... Подобно тому как вне индивидуального нет общечеловеческого развития, так и вне национального развития не может быть общего развития человечества. Только сделавшись вполне национальной, наука полицейского права служит интересам общечеловеческой культуры”²⁷.

А. Антонович был солидарен с Н. Бунге в понимании общины, частной собственности и социализма. Он считал, что отсутствие препятствий для распространения общественной собственности будет содействовать ее преобразованию в систему, “отрицающую всякую собственность и превращающую свободного производителя в раба, не имеющего никаких прав на результаты своего труда”²⁸.

²⁵ Антонович А. Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права). К., 1890. Часть первая. Часть вторая. Оттиск из “Университетских известий” 1889 г. Напечатано по определению Совета Университета св. Владимира (http://adhdportal.com/book_3474_chapter_6___1_Predmet_i_znachenie_nauki_poli%D1%81ejjskogo_prava.html).

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Антонович А. Я. Курс политической экономии, с. 516.

Во взглядах на общину и частную собственность представители Киевской экономической школы единодушны. Так, профессор Киевского университета **Дмитрий Пихно** (1853–1909) отмечает, что только право собственности может дать земледельцу ту энергию, которая требуется от него для перехода от хищнических форм эксплуатации земли к хозяйству, основанному на значительном подготовительном труде, капитале и тщательном уходе за землей ²⁹.

Склонность к *социологизации* предмета политической экономии ярко проявилась в его учебнике, где эта дисциплина названа, в духе немецкой исторической школы, наукой о народном хозяйстве, изучающей хозяйственные явления в народной жизни и внутренние законы, которым эти явления подчиняются ³⁰. Лучше всего институциональные аспекты прослеживаются в контексте анализа ученым производительных сил, или “факторов производства”. К ним Д. Пихно наряду с традиционными составными элементами – природой, трудом и капиталом – причисляет также “культурно-исторические силы народа”. Подробно характеризуя каждый фактор, автор подчеркивает, что его продуктивность весьма зависит от культурно-исторических условий, которые постоянно влияют на хозяйственную деятельность. Важнейшими из этих условий являются мораль и обычаи, образованность, энергия, дух предпринимательства, законодательство, государственный и общественный строй жизни ³¹. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что Д. Пихно считает *неформальные и формальные институции*, составляющие *институциональную структуру* народного хозяйства, предметом экономической науки. В названном учебном пособии привлекает к себе внимание попытка Д. Пихно исследовать организацию производства и формы хозяйственных предприятий в плоскости процесса. Опираясь на разделение труда, ученый проанализировал влияние сотрудничества на развитие хозяйственных отношений. Следовательно, можно констатировать, что связи между хозяйствующими субъектами (формотворческий элемент структуры хозяйственной системы), по его мнению, также являются предметом экономической науки.

Д. Пихно подчеркивает особое место и функции предпринимателя в хозяйственной системе, ибо он “является организатором и руководителем всего дела” ³². Представляют интерес выводы ученого о связи между формой организации хозяйственной единицы и эффективностью ее деятельности. Его не устраивали узкие рамки неоклассического подхода к оценке эффективности работы предприятия, сосредоточенного на максимизации прибыли при ограниченных ресурсах. Ученый стремился анализировать преимущества и недостатки предприятий разного типа, фокусируя изложение на условиях их функционирования и уникальности. Современный исследователь даже считает, что “в учении Д. Пихно можно найти прообразы теорий, разработанных такими видными экономистами, как Дж. Ордовер, Г. Салонер, Р. Гилберт, исследования которых нацелены на объяснение различий между предприятиями и последствия этих различий. Для приведенных моделей характерно то, что в отрасли или в производстве конкретного продукта обычно присутствует некий субъект, имеющий определенные преимущества перед предприятиями, которые хотели бы войти в соответствующий бизнес” ³³.

²⁹ См.: Корнійчук Л. Я. Історія економічної думки України, с. 197.

³⁰ См.: Пихно Д. И. Основания политической экономии. Вып. 1. Пособие к лекциям. К., 1890, с. 1.

³¹ См.: там же, с. 67–68.

³² Там же, с. 101.

³³ Мухин А. Б. К вопросу о развитии управленческой мысли в России: взгляды Д. И. Пихно. “Вестник Санкт-Петербургского университета”, сер. 8, вып. 2, № 16, 2002, с. 156.

В плоскости учения Д. Пихно о ценности вызывает особый интерес введенная им категория “сложности приобретения”: вместе с “проблемами реализации” (то есть предложения) ее можно рассматривать как попытку объяснить процессы ценообразования с точки зрения *институциональной среды*. Можно считать, что ученый сделал существенный шаг в направлении теории трансакционных расходов.

Методологические подходы Киевской экономической школы, несомненно, содержали весомую социальную составляющую. Это дает нам основания рассматривать ее вклад в науку как весьма полезный для поиска источников институционализма. Несмотря на декларируемую приверженность к методологии немецкой исторической школы, внешнее подобие и широкое использование индуктивно-эмпирических приемов, украинские ученые не отбрасывали необходимость изучать объективные экономические законы и менее активно увлекались экономической историей. Индуктивный метод позволил им расширить границы дедуктивных теоретических исследований через наполнение их социальным, нравственно-культурным содержанием, не допустив чрезмерного субъективизма.

Антропоцентризм обусловил неприятие представителями Киевской школы чуждых для украинцев социальных и хозяйственных идеалов общины и социализма. Вместо них в качестве основных социально-экономических институций рассматривались *личный интерес*, основанный на частной собственности, и *свобода предпринимательства*.

Народное хозяйство Киевская школа трактовала как целостность и придавала важное значение неформальным институциям, которые образуют институциональную среду хозяйственной деятельности. Оригинальными были попытки поставить процессы ценообразования в зависимость от эволюции институциональной структуры экономики.

Исследование связей между субъектами хозяйствования и их организационными формами сближает Киевскую экономическую школу с *современным неинституционализмом*. В данном контексте весьма важно подчеркнуть первые шаги школы на пути к пониманию роли трансакционных расходов в экономике.

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2011 г.
